

УДК 355

И.Ю. Ерохин

кандидат исторических наук

Кройдон Колледж, Лондон, Великобритания

eiu21@ya.ru

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ «СВОЙ» – «ЧУЖОЙ» В КАЗАЧЬЕЙ ЭТНИЧЕСКОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ

**[*Erokhin I.Yu. Conceptions of “friends” and “strangers”
in the Cossacks’ ethnic mentality*]**

The conceptions of every ethnic community, every nation, every ethnic or national group are unique. There are common trends in the behavior of different nations and ethnoses. One of such phenomena is the moment of inner self-determination and formation of the image of the ethnic uniformity, in contrast to the image of a stranger, an alien or an outsider. This issue is of conceptual and fundamental importance, both in theoretical and practical aspects, as those ideologies are exactly the major factor that often leads to formation of nationalistic views and doctrines. In this article, the author makes one of the first attempts ever to understand the conceptual image of “friends” and “strangers” in the world view and historical psychology of the Cossacks, the largest ethnosocial group in the population of Russia.

Key words: Cossacks, Russia, history, culture, policy, war, ethnos, state, law, consciousness, mentality.

Одним из базовых понятий казачьего этноцентризма является активное формирование образов «свой» – «чужой». В истории казачества находим массу ярких примеров, когда для казака образом чужака мог выступать крестьянин, инородец (иноверец), иногородец (т.н. «пришлый элемент» на казачьи земли), солдат из регулярных войск (например, - драгун или улан; казачество же входило в состав иррегулярных воинских соединений). Несколько реже, но все же находим, подобное противостояние и между отдельными частями самих казачьих войск, где главную формальную роль имел территориальный признак: между некрасовскими казаками и казаками прочих войск Империи, верховым и низовым казачеством у донцов, гребенским-старообрядческим и терским казачеством, «ярыжниками» (поверстанными) казаками и «природными» казаками на Урале и др.

Несколько отдельно в описанной схеме стоят противоречия между некрасовскими казаками или т.н. «игнат-казаками» и казаками прочих войск, когда собственно к территориальному фактору деления примешивался еще

и сословно-этнический принцип деления. О традициях казаков достаточно красиво образно скажет П.Н.Краснов: «Хотя «самостийными» казаки и были для внешнего пользования, внутри понимая государственным умом, что без России им не жить, и никогда себя от нее не отделяли, это не мешало им говорить: «у вас в России», «вы Русские, иногородние, а мы «казаки»...», «у нас на Дону...» и т.д.[4, с. 3]

Деление по принципу «свой» - «чужой» в казачестве имело место на нескольких уровнях. Назовем их:

- Уровень мифологизированных представлений, где в роли чужеродных элементов выступали потусторонние силы (демоны, русалки, домовые);
- Уровень социальный. В роли оппонентов выступали иные социально-сословные группы российского общества времен имперской России. Особенно часто это были крестьяне, обладавшие в отличие от казачьей принципиально иной системой хозяйствования на земле и быта;
- Уровень военно-организационный. В качестве «чужих» выступали представители регулярных войсковых частей, - уланы, драгуны и т.д., в которые казаков усиленно пытались записать ряд царских администраторов, базируя свои решения на том основании, что «казачьи иррегулярные части утратили свою боеспособность и значение»;
- Уровень экономически-хозяйственный и территориальный, когда казачество воспринимало в качестве «чужаков» пришлое или переселенное население, например, тех же крестьян, если они переселялись государством на войсковые территории;
- Уровень этнический. «Иноверцы», «иностранцы» считались чужими, они обладали отличной от «исконной казачьей» военно-организационной, ментальной, культурно-бытовой и экономической составляющей, а также составляющей в вопросах отправления религиозных культов и обрядов;
- Уровень внутри-этнический, когда противоречие возникало внутри самого казачества в зависимости от территории его расселения, региональных нравов и обычаев, природных специфик. Это могли быть противоречия по линии: «вольное» и «служилое» казачество, или же по линии специфики и принципов организации казачьих войск, многие из которых были созданы под мощным и непосредственным влиянием институтов государства и власти.

- Государственно-правовой уровень способен обозначить конфликтность между самим традиционным государством в лице Российской империи и казачьими сообществами. Государство, его политика, практика, многие законодательные инициативы и положения встречались казаками весьма критично и болезненно. Казачество считало, что во многих случаях, государство действует враждебно по отношению к нему и стремится разрушить многовековой институт традиционных «казачьих вольностей», казачьего права, образа жизни и ментальности.

Исследователь С.Сагнаева указывает на то, что фактор деления на «свой» - «чужой» имел место быть, например, в материальной культуре казачества: отношение к атрибутам одежды, быта и т.д.[6, с.4] По мнению представителей казаков-националистов, например, Г. Кузнецова следует: «В ментальности казачества есть множество брешей. Одна из основных - система распознавания: «свой» - «чужой». Для казака раньше все были чужие, кто не был казаком, но начиная с экспансии Московии, принцип меняется, - рабство и рабский дух проникают на земли Казачьего Присуда. Спустя время некоторые казаки о своем происхождении стали говорить: мы – казаки русские, лучшие русские люди. Произошла ассимиляция казаков..., это беда казачьего народа, что он укрывал беглых русских...» [5, с.3] Замечание весьма спорное, но сама логика процесса, его постоянное движение подмечено верно.

Ситуация не была стабильна, аморфна, на протяжении веков истории казачества она постоянно менялась. Изначально, в период появления самых первых казачьих сообществ XVI-XVII вв. на Дону, Сечи, а потом Тереке, Волге, Яике главным чужаком для них было государство и его аппарат, беглых крестьян, боярских детей и прочих «бунтарей» большинство казачьих вольных республик охотно принимало в свой состав и благоволило им, хотя и производило отличие между понятием пришлого и природного члена, «гражданина» республики.

В ходе фронтальной геополитической и территориальной борьбы, в процессе все большего «вращивания» в структуры централизованного Московского государства актуализируется проблема чужака в лице инородца, - кочевого соседа степняка, часто такого же дерзкого, сильного и разбойного, как и сам казак. При этом процессы весьма ассиметричны: с одной стороны, казак активно воюет со своим соседом, с другой, - происходит все большая ассимиляция и взаимопроникновение друг в друга культур разного цивилизационного типа.

А.К. Гейнс говорил по данному поводу о казаках, живших в киргизских степях: «Они, нарядившиеся в киргизские халаты, говорящие со своими детьми по-киргизски, называющие приезжих из-за Урала русскими, а себя казаками, едва ли могут служить орудием реального обрусения в степи» [2, с.117].

С укреплением и укрупнением капиталистических отношений в дореволюционной России все большие противоречия начинают возникать между казаками и крестьянами. Основным вопросом становился вопрос не этнически-культурный, а хозяйственно-земельный. Во многих традиционных казачьих землепашеских областях – Дону, Кубани, Терекке свободной для возделывания земли катастрофически не хватало. В связи с этим начались массовые взаимные захваты земель казаками и крестьянами. В сердцах казаки все чаще своих оппонентов называть «чужаками», «пришлыми». Дело в том, что правительство достаточно часто использовало массовые переселения крестьянской бедноты и малоземельных крестьян в казачьи области, и те с вождедением смотрели на войсковые земли. Впрочем, взаимные захваты имели место и среди казаков и иноверцев, например, киргизов. Упоминания об этом встречаем еще в Донских летописях и Государственном Архиве Древних Актов. Стоит отметить, что казакам практически некогда было заниматься землей, ее обработкой, особенно накануне и в период Первой мировой войны, когда все казаки были на фронтах, поэтому крестьянские наделы были хоть и меньше, но часто много лучше обработаны, чем казачьи. Крестьяне использовали интенсивную модель хозяйствования, а казаки – более отсталую экстенсивную. Взаимные претензии, зависть и обиды копились на протяжении многих годов и десятилетий.

Особенно ярко и образно реализация принципа «свой» - «чужой» проявилась в период Гражданской войны (1917-1918 гг.). Пролетариат и рабочий класс были чужды казачеству по определению. Не стало союзником и крестьянство, в силу уже названных выше причин. Временный и зыбкий союз казаков сложился лишь с «белым» генералитетом. Но, это был союз очень непрочный, т.к. стратегические цели партнеров не совпадали совершенно. Объединяла лишь ненависть к большевизму и его разрушительной идеологии. Деление по принципу «свой» - «чужой» имело в казачестве огромное значение. Оно определяло важный признак всей казачьей общности, трактуемый исследователями как этноцентризм.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Васильев И.Ю.* Мифологические и внутриэтнические проявления оппозиции «свой-чужой» в системе ценностей кубанских казаков. 12.01.2012 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.slavakubani.ru/read.php?id=3432>
2. *Гейнс А.К.* Собрание литературных трудов. СПб., 1897.
3. *Гришаева Л.И.* Факторы «свой-чужой» при инкультурации и аккультурации личности и культурная идентичность // Филология и культура: материалы IV Международной научной конференции 16-18 апреля 2003 г. Тамбов, 2003.
4. *Краснов П.Н.* Казачья самостийность. Берлин, 1922. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://kazachiy-kryg.ru/stati/o-samostijnosti/kazachja-samostijnost>
5. *Кузнецов Г.* Казачья нация – тезисы национальной идеологии. 12.2004 [Электронный сетевой ресурс]. Режим доступа: <http://kazachiy-krud.ru/ststi/sovremennost/kazachja-nacija-tezisy-nationalnoj-ideologii>
6. *Сагнаева С.* Исторические аспекты формирования самосознания уральского казачества и современные проблемы самоидентификации казаков [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.yaik.ru/rus/about/index.php?about=2146>
7. *Стефаненко Т.Г.* Факторы и механизмы восприятия другого в социальном познании // Мир психологии. 1999. № 3.

REFERENCES

1. *Vasilyev I.Yu.* Mythological and Inner Ethnical Manifestations of the “Friend – Stranger” Opposition in the System of Values of the Kuban Cossacks. 12.01.2012 [Electronic online resource]. Access mode: <http://www.slavakubani.ru/read.php?id=3432>
2. *Geins A.A.* Collection of Literary Works. – Saint Petersburg, 1897.
3. *Grishaeva L.* The “Friend – Stranger” Factors in Inculturation and Acculturation of a Personality and Cultural Identity // Philology and Culture: Materials of the 4th International Scientific Conference, April 16-18, 2003. Tambov, 2003.

4. *Krasnov P.* The Cossack Independence. – Double-Headed Eagle, Berlin, 1922. [Electronic online resource]. Access mode: <http://kazachiy-kryg.ru/stati/o-samostijnosti/kazachja-samostijnost>
5. *Kuznetsov G.* The Cossack Nation: Theses of the National Ideology. 12.2004 [Electronic online resource]. Access mode: <http://kazachiy-krud.ru/ststi/sovremennost/kazachja-nacija-tezisy-nationalnoj-ideologii>
6. *Sagnaeva S.* Historical Aspects of Building the Self-Consciousness of the Ural Cossacks and the Modern Problems of the Cossack Self-Identification. [Electronic online resource]. Access mode: <http://www.yaik.ru/rus/about/index.php?about=2146>
7. *Stefanenko T.* The Factors and Mechanisms of the Perception of a Stranger in the Social Cognition // The Psychology World. 1999. N. 3.

19 марта 2015 г.
